

**Муниципальное бюджетное учреждение
дополнительного образования
«Детская музыкальная школа № 6»**

Творческая методическая работа

Непересекающиеся миры двух гениев

Ведущие – АЛЕЕВА Н.Ш. и НОВОКРЕЩЕНОВА Л.А.

КОНЦЕРТМЕЙСТЕР – АЛЕЕВА Н.Ш.

Саратов, 2021 г.

Звучит «Праздничный вальс» Шостаковича

Прокофьев и Шостакович. Два великих композитора, имена которых давно стали классикой XX века, творчество которых приковывало к ним постоянное внимание не только критиков, музыковедов, профессиональных музыкантов, но и просто любителей музыки.

Мы назвали нашу встречу «Непересекающиеся миры двух гениев». Эти два человека, два гиганта музыкальной мысли представляют собой два мира, две планеты. Они не были конкурентами. Их можно сравнить с двумя сторонами одной Луны. Но только не в том смысле, что Прокофьев — светлая её сторона, а Шостакович — тёмная (хотя отчасти это правда, и мы чуть позже поговорим об этом), а в том, что Прокофьев — это «само тело Луны», тогда как Шостакович — это «способ освещения лунного тела». Здесь кроется разгадка современности Прокофьева и популярности Шостаковича: «способ освещения» Луны всегда будет меняться, но само «тело Луны» неизменно — потому и интерес к эстетике Луны никогда у людей не иссякнет.

Сегодняшняя встреча посвящена юбилеям этих двух гениев в музыкальном мире, наших соотечественников. И мы попробуем сопоставить их личности и творчество, отметив общие черты и различия.

Сергей Сергеевич Прокофьев родился в 1891 году в семье агронома (в Донецкой области). Первой учительницей стала мать, Мария Григорьевна, которая полностью взяла на себя воспитание сына, занималась с ним музыкой с пяти лет и иностранными языками. Сережу Прокофьева хорошо воспитывали, многому учили, не принуждали, но и не баловали; он рос среди природы, с ранних лет увлекаясь творчеством. Вероятнее всего, именно свободное и гармоничное детство стало драгоценной «прививкой», защитившей творчество Прокофьева от трагедий времени. И не случайно много внимания композитор уделил впоследствии музыке для детей, (достаточно вспомнить его балет «Золушка», симфоническую сказку «Петя и волк») да и сам некоторыми черточками своего поведения, привычками часто напоминал непосредственного, всеми любимого большого ребенка.

Дмитрий Дмитриевич Шостакович родился в 1906 году в Петербурге (Ленинграде). Музыкой начал заниматься с девяти лет. Отец его — Дмитрий

Болеславич Шостакович не был профессионалом в музыке, но страстно ее любил; мать, София Василиевна Шостакович — одаренной пианисткой.

В каком же возрасте появились первые композиторские опыты Прокофьева и Шостаковича?

Самая первая пьеса **Прокофьева** – «Индийский галоп» появилась, когда мальчику было всего 5 лет. Как мы уже сказали ранее, его музыкальным образованием занималась мать. Не было дня, чтобы мальчик не подходил к роялю и не пытался что-то фантазировать. Мать записывала небольшие Сережины пьесы: рондо, вальсы, песенки, в том числе и упомянутый «Индийский галоп».

Самым сильным впечатлением детства Сережи явилась поездка с родителями в Москву и посещение оперного театра. Вернувшись домой, мальчик написал оперу «Великан» на собственное либретто (текст).

Первые сочинения **Шостаковича** появились, когда ему было 12 лет. Они назывались весьма своеобразно, можно сказать, не по-детски: «Траурный марш памяти жертв революции», «Гимн свободе». Это объясняется тем, что в свои 8-11 лет будущий композитор был свидетелем первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций

Как мы видим, оба с малого возраста учились музыке. А их сочинения свидетельствуют о том, что этим ремеслом они занимались серьезно. И в 13-летнем возрасте поступили в консерваторию и закончили ее, как композиторы и пианисты.

Жили они в одно время. Их отделяло всего 15 лет. И судьбы, на первый взгляд, были похожи.

Оба прожили плодотворную жизнь: в их творчестве представлены почти все жанры. (Ребята, а кто знает, что такое «жанр»? Что означает это слово? Жанр – это французское слово. Означает тип произведений, объединенных по форме: написанных для инструментов, для голоса, для целого оркестра и содержанию: лирические, эпические, драматические.)

Жизнь этих двух гениев была, фактически, одинаково необычайно сложна. После одного постановления, вышедшего в 1948 году, которое призывало к «борьбе» с формализмом в музыке, почти все сочинения Прокофьева и

Шостаковича несколько лет были под запретом и не исполнялись. Таким образом, композиторы лишились не только средств к существованию, но и самого главного, – свободы творить. Мы можем лишь вообразить, что пережили они в своей творческой невысказанности – эти два гения, загнанные в угол, как затравленные звери...

Оба пережили вторую мировую войну. И не просто пережили, перенесли те невзгоды, которые выпали на долю каждого жившего в нашей стране, но внесли вклад в музыкальную культуру в это тяжелое для страны время, который невозможно переоценить. Но об этом чуть позже.

Но, несмотря на все вышеперечисленные, на первый взгляд, объединяющие факторы, судьбы этих двух композиторов были весьма различны. Непохожи были и их творческие устремления!

Сергей Сергеевич Прокофьев - творец светлого, жизнелюбивого искусства. Музыка Прокофьева ворвалась как вихрь, как нечто неповторимое, новаторское в бурное время начала XX века. Он, как личность, как человек, как композитор, в то очень непростое время всегда оставался самим собой.

В творчестве **Дмитрия Дмитриевича Шостаковича** отразилась сложная, противоречивая эпоха современности. Композитора справедливо называют летописцем истории нашей страны. «Его память, слух, точность мысли и быстрота соображения, умение сразу найти нужное, не тратя много времени на поиски, легкость и непринужденность творчества – во всех этих и многих других качествах он почти не имеет себе равных», - так сказал о Шостаковиче известный пианист и педагог Генрих Нейгауз.

Прокофьеву одно нравилось, Шостаковичу - другое. К примеру, **Прокофьев** был ярким врагом всего серого, приглаженного, рафинированно-сентиментального, конфетно-красивого. Он требовал от искусства смелой мысли, вдохновения, самостоятельности в решении художественных задач.

Когда балетмейстеру Большого театра Леониду Лавровскому нужно было вытянуть из Прокофьева цыганский кусок для «Сказа о каменном цветке», он повёз с собой к нему на дачу пианиста. Пианист стал наигрывать всяческую цыганщину.

Сергей Сергеевич пришел в ужас: «Затворите окна! Я не могу допустить, чтобы такие звуки неслись с дачи Прокофьева!» Он очень был строг к подобным напевам. А вот **Дмитрий Дмитриевич Шостакович**, наоборот, весьма терпимо к ним относился. У него был особый интерес к блатным и полублатным песням.

Прокофьев более аристократичен, **Шостакович** более прост. **Прокофьева** воспаляет сказочность - с доброй феей, прекрасным лебедем, чистым детством, природой как светлой силой. У **Шостаковича** более заметен трагедийный пафос, показывающий страшные и даже гадкие стороны жизни. У **Шостаковича** много "партийности". Поэтому ему удавалась массовая музыка. **Прокофьеву** почти не удавалась. Он остался равнодушным к повсеместному увлечению джазом, прошел мимо соблазнов развлекательной музыки.

Эстета **Прокофьева** коробил, вероятно, сам тип музыкального гротеска **Шостаковича**, в котором он находил «элемент некоторой грубости».

Кроме расхождений в музыкальных вкусах, разнились ли Прокофьев и Шостакович чисто по-человечески?

Прокофьев вел себя деловито, профессионально, был непосредственен, но бесцеремонен. Всегда был разговорчив, зачастую весело и премило дерзил. Рихтер вспоминает: «Как-то в солнечный день я шел по Арбату и увидел необычного человека. Он нес в себе вызывающую силу и прошел мимо меня, как явление. В ярких желтых ботинках, клетчатый пиджак, с красно-оранжевым галстуком. Я не мог не обернуться ему вслед — это был Прокофьев».

Шостакович, был немного смешной, ходил мелкими шажками, все время повторял фразы и отдельные слова, нервно почесывался. Словом, выглядел слегка комично. Любил повторять своим ученикам, что «музыкальные законы существуют, чтобы их нарушать». Но, как ни странно, именно необыкновенная внутренняя сдержанность и дисциплина кажутся главными чертами его характера...и теми качествами, что помогли ему перенести тягчайшие для композитора испытания. Острота мысли, эмоциональная активность не оставляли его до конца жизни. Его утонченное лицо с печатью гения на нем, раз увидев, уже нельзя было забыть. Особенными были у него глаза – светло-серые, широко распахнутые, увеличенные стеклами очков и детская, часто беспомощная улыбка... Речь его никогда не была плавной и спокойной – всегда напряженной, отрывистой.

Говорил он быстро, как бы торопясь высказать мысль, повторяя помногу раз слова или целые фразы, делая упор на них, если хотел, чтобы собеседник запомнил, обратил на них особое внимание.

Сергей Сергеевич Прокофьев. В нём была масса юмора. Он в своих сочинениях иногда просто подсмеивался над инструментами. «Никогда не забуду, - вспоминает Мстислав Ростропович, - как Прокофьев рассказывал мне о второй трубе, которая в его Симфонии-концерте играет одну низкую бубнящую ноту. Я пытался показать Прокофьеву свою эрудицию: «Не слишком ли это низко в быстром темпе?» Он ответил: «Да что вы! Вы ничего не понимаете! Вы не представляете, какой трубач будет сидеть красный во время игры! Как он будет надуваться!»

Шостакович был очень скрытен, очень осторожен. (Такое уж было время в нашей стране...)

Прокофьев был человеком открытым и честным, отвечавшим за свои слова и поступки, не способным на пустые комплименты, временами саркастичным, всегда готовым помочь делом, лишенным почтения к званиям и официальным заслугам. Приятным в светском смысле такого человека назвать нельзя, но преданность его друзьям и близким, умение, когда надо, прощать – несомненны. Подружиться с таким человеком – большая удача.

Волею судьбы Прокофьев долгое время прожил за границей. (По какой причине Прокофьев уехал из России в 1918-м и почему вернулся обратно в 1936-м? Революционное время, восхищающее нас быстротой перемен, не благоприятствует серьезному творчеству. Точнее, оно дает ему мощный импульс, но нужно держаться на расстоянии, чтобы тебя не выжгло. Прокофьев вернулся в СССР, когда, как он выражался, «советская революция» закончилась, наступил сталинский термидор). Как только он вернулся в советскую Россию, наши герои начали встречаться. «Столкнулись бесцеремонная прямота одного и болезненная ранимость другого».

Из воспоминаний Ростроповича. Трудно придумать двух более диаметрально противоположных людей. Прокофьев, если тебе доверял, не резервировал своего мнения - ни о себе, ни о других. (Что думал, то и говорил.)

Мне такую историю рассказывали. Виолончелист Березовский впервые показывал концерт Прокофьева с оркестром. Был полный провал. Когда Прокофьев вошел в артистическую, то дирижер и солист замолчали, как приговоренные к электрическому стулу. И дирижер спросил: «Ну как, Сергей Сергеевич?» Прокофьев улыбнулся и отвечает: «Хуже не бывает!» Но улыбнулся с полным оптимизмом».

А как вёл себя **Шостакович** в подобных ситуациях?

Вновь обратимся к воспоминаниям Ростроповича: «Он всегда всё хвалил: «блестяще, блестяще». И только если он ценил человека как большого музыканта, тогда он мог позволить себе критику. Шостакович мне всегда повторял: «Ну, зачем, зачем такого-то критиковать, если он не может сделать лучше?» Иногда меня это поражало. Исполнение или сочинение из рук вон плохое, а Шостакович встаёт и говорит: «блестяще, блестяще».

Наступила Великая Отечественная война. Композиторы откликнулись на это важное событие в истории нашей страны произведениями в разных жанрах. Так, **Прокофьев** написал патриотическую оперу «Война и мир» по роману Льва Толстого.

(Вальс Наташи)

Шостакович - Седьмую симфонию, получившую название «Ленинградская».

(Тема нашествия фашистов)

После известного Постановления, о котором мы упоминали ранее, почти все сочинения Прокофьева и Шостаковича несколько лет были под запретом и не исполнялись. Неизвестно, как реагировал **Прокофьев** на эту жестокую критику. Он никогда не высказывался по этому поводу. Он молчал. Но, конечно, это не могло не отразиться на нем. Возможно, именно эти события сломали его и привели к ранней смерти.

Шостаковича в самом расцвете своего таланта, (ему было всего 42 года) в сентябре 1948 года выгнали из Ленинградской и Московской консерваторий, где он

вел классы композиции. С тех пор он никогда больше не преподавал и лишь в 1961 году ненадолго вернулся в Ленинградскую консерваторию – занимался с аспирантами, потом сам ушел оттуда и уже навсегда.

Как сложилась бы жизнь **Прокофьева**, если бы он не вернулся в СССР? Возможно, что она протекала бы неизмеримо обыкновеннее. Он точно не испытал бы тех взлетов и тех трагических моментов, той славы и той хулы, которая выпала ему в 30–40-е... Прокофьев точно не написал бы той великолепной киномузыки, которую он создал для Эйзенштейна: а ведь в 1938-м, уже после возвращения в СССР, его звали писать и для Голливуда.

На родине жилось ему крайне сложно. Роль знаменитого, но всегда остающегося на вторых ролях зарубежного русского была бы ему уготована до конца жизни. Дело в том, что после возвращения в Россию (и вплоть до своей смерти) Сергей Сергеевич тщетно пытался стать советским композитором. Но не смог! У него была другая ментальность — ментальность человека Февральской революции, и на этом его адекватное понимание российской истории закончилось. Конечно, Прокофьев был известен на Западе даже больше, чем Шостакович: это, во всяком случае, спасло ему жизнь. Тем не менее, в целях пропаганды советской музыки Прокофьев не был для Сталина подходящей фигурой. Прокофьева является серьезным препятствием росту её популярности.

А с 1942 примерно года, после феноменального успеха Седьмой Ленинградской симфонии Шостаковича, Прокофьев стал постепенно отодвигаться в сознании советских слушателей на второе место. Это его не могло не беспокоить.

Всё это означает, что музыка его не пользовалась на родине спросом. Он был лишен возможности зарабатывать. Был момент, когда он голодал, не было денег на хлеб. Узнав об этом, на помощь друзья пришли, которым удалось убедить композитора сочинить увертюру «Встреча Волги с Доном» в ознаменование события, которое вынашивал Сталин: построить канал, соединяющий две большие реки, Волгу и Дон. Эта идея поначалу показалась композитору «идиотской». Но это была, пожалуй, единственная на тот момент возможность заработка.

Сложилось общепринятое мнение, что музыка Прокофьева, и музыка Шостаковича сложна. Каждый автор шел своим путем, приобретал свой опыт,

нарабатывал свой собственный, присущий только ему музыкальный язык, свой вкус.

Несмотря на то, что долгое время Прокофьев жил за рубежом, пришел из другого мира, из мира игры, из западного мира и, как мы уже говорили, не стал до конца советским человеком (по сути своей), именно он считается наиболее жизненно полнокровным из всех русских композиторов XX века. От лучших его сочинений остается ощущение почти физического счастья.

Музыка Прокофьева в основе своей — элитарна, музыка Шостаковича — демократична.

Для того чтобы понимать его музыку Прокофьева, вовсе не нужно быть советским человеком, — надо просто знать и любить музыку вообще. В случае с Шостаковичем всё обстоит в точности наоборот. Чтобы любить его музыку, вовсе не обязательно любить музыку вообще, зато совершенно необходимо быть советским человеком (человеком страны, в которой он жил).

Музыка двух гениев XX столетия может быть удачной, или менее удачной, или просто гениальной, но она всегда очень чиста. А ведь чистота - это и есть идеал настоящей религии. Музыка этих двух самостоятельно существующих музыкальных галактик шагнула далеко вперед, обгоняя своих современников. Ее можно назвать дерзко-новаторской, шокирующей и даже экстремальной.

Прокофьев и Шостакович являются одними из самых исполняемых композиторов в мире. Их произведения занимают первое место в отечественном музыкальном репертуаре среди всех композиторов XX в.